

УДК 81'27

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-204-215

## **Бурят-монгольский язык в современных условиях: проблемы, противоречия, поиск конструктивных путей развития**

*Владимир Иосифович Антонов<sup>1</sup>, Оюуна Анатольевна Очирова<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (строение 1, д. 40В, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, профессор

E-mail: wlanto50@mail.ru

<sup>2</sup> Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (строение 1, д. 40В, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор

E-mail: wlanto50@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Антонов В. И., Очирова О. А., 2020

**Аннотация.** В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с развитием современного бурятского языка в Республике Бурятия. В ней проанализированы некоторые итоги этого развития за неполных три десятилетия со времени установления правового положения бурятского языка как государственного в республике. Выявлены болевые точки, противоречивые моменты в процессе становления языка как государственного. Показано значение функционального изоморфизма в этом процессе. Авторами даны конкретные выводы и рекомендации по конструктивному расширению функциональных возможностей бурятского языка.

**Ключевые слова:** бурят-монгольский язык, бурятский язык как государственный, функциональный изоморфизм, язык как средство живой коммуникации

**Благодарность.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44006 «Философия монгольских этносов». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

**Для цитирования:** Антонов В. И., Очирова О. А. Бурят-монгольский язык в современных условиях: проблемы, противоречия, поиск конструктивных путей развития // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 204–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-204-215

UDC 81'27

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-204-215

## **Buryat-Mongolian Language in Modern Conditions: Problems, Controversies, Search for Constructive Ways of Development**

*Vladimir I. Antonov<sup>1</sup>, Oiuuna A. Ochirova<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> East Siberia State University of Technologies and Management (building 1, 40B, Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)  
Dr. Sc. (Philosophy), Professor  
E-mail: wlanto50@mail.ru

<sup>2</sup> East Siberia State University of Technologies and Management (building 1, 40B, Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)  
Dr. Sc. (Sociology), Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Antonov V. A., Ochirova O. A., 2020

**Abstract.** The article discusses the problems of the development of the modern Buryat language in the Republic of Buryatia. It gives a brief analysis of the outcomes of this development in the approximately thirty years from the

establishment of the legal status of the Buryat language as an official language in the republic. The study points out the problems, controversial points in the process of Buryat language becoming official. It gives the meaning of functional isomorphism in this process. The authors give the specific results and recommendations for the constructive expansion of the functional opportunities of the Buryat language.

**Keywords:** Buryat-Mongolian language, Buryat language as an official language, functional isomorphism, language as means of communication.

**Acknowledgment.** The research was funded by the RFBR and the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of Mongolia within the scope of the research project № 20-511-44006 “The Philosophy of the Mongolian ethnic groups”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21<sup>st</sup> century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

**For citation:** Antonov V. I., Ochirova O. A. Buryat-Mongolian Language in Modern Conditions: Problems, Controversies, Search for Constructive Ways of Development. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp. 204–215. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-204-215

Бурятский язык является одним из монгольских языков. Он не только официально, но и исторически правомерно до 1958 г. назывался бурят-монгольским, равно и как сама автономная республика носила название «Бурят-монгольская». Поэтому, когда речь заходит о бурятском языке, безусловно, подразумевается язык одного из монгольских этносов, он уже имплицитно, на латентном уровне квалифицируется как бурят-монгольский язык.

Уже третье десятилетие истекает с того момента (1992 г.), как был принят в Республике Бурятия (далее — РБ) Закон «О языках народов Республики Бурятия». В этом историческом законе наряду с русским языком впервые установлено правовое положение статуса именно как государственного. Тем самым предполагалось возродить утраченную в 70-е гг. прошлого столетия былую роль и значение бурятского языка в общественной и культурной жизни, в быту и производственной (особенно в сельскохозяйственной)

деятельности, восстановить его донельзя упавший социальный престиж, поднять до должного уровня преподавание бурятского языка в школах и других общеобразовательных структурах, его функционирование в учреждениях культуры и т. д. Закон в этом смысле бурятским народом был воспринят как долгожданный правовой акт. Один из древних и самобытных, богатых и красивых языков монгольских этносов, каковым является бурятский, безусловно, заслуживал этого.

В то же время общеизвестно было, что ситуация с бурятским языком до принятия вышеуказанного закона складывалась критическая. Язык по существу был низведен до уровня «кухонного общения». Официальные каналы его функционирования оказались предельно зауженными. В национальных школах бурятский язык сохранялся лишь в факультативной форме. Невольно создавалась обстановка неприятия и отчуждения языка из общественной среды. В этих условиях один из монгольских языков в лице бурятского обрекался на медленное вымирание.

Но кому не известно глубоко верное и исторически выверенное утверждение: язык — душа народа. Выдающийся немецкий мыслитель XX столетия Мартин Хайдеггер в этой связи язык называл «домом бытия». Поэтому здесь объективно — и логически, и практически — однозначным оказался бы консеквент детерминации: случись с языком что-то неладное, нация лишается своего духовного дома, теряет свою душу. Следовательно, народ перестает быть самим собой. Иначе говоря, национальное самосознание практически невозможно без полноценного функционирования языка. Без него народ, в конечном счете, может лишиться своего национального менталитета и культуры. Причем язык служит не только эффективным средством выражения, но и необходимым способом формирования национального самосознания. Он является основополагающим фактором национально-культурной идентичности [Антонов 2017]. Язык «представляет собой целый мир, способный лексически и семантически охватить всю многогранную культуру...» [Антонов 2001: 51].

Говоря об истекших после принятия Закона о языках РБ почти трех десятилетиях, необходимо признать, что было сделано немало в плане конкретизации и реализации данного закона. Правительством республики по мере необходимости и с учетом назревшей потребности разрабатывались и утверждались соответствующие подзаконные (нормативные) акты, так или иначе рассчитанные на обеспечение развития бурятского языка. В начале 2000-х гг. официально был установлен «День бурятского языка», впоследствии переформатированный в «Месячник бурятского языка». На Форуме бурятского языка в 2008 г. была рассмотрена Концепция развития языка, одобренная в 2009 г. постановлением правительства РБ в виде Госпрограммы «Сохранение и развитие бурятского языка в РБ». А на втором Форуме в 2018 г. принята Стратегия развития бурятского языка на период до 2030 г., закрепленная в 2019 г. постановлением правительства РБ. Кроме того, за истекшие десятилетия проводилось бесчисленное количество разноплановых мероприятий, посвященных бурятскому языку: совещаний, планерок, конференций, симпозиумов, круглых столов и т. д.

Тем не менее, говорить о качественном переломе в развитии бурятского языка, о кардинальных сдвигах в этом направлении до сих пор не приходится. К сожалению, многие из проведенных и проводимых мероприятий по бурятскому языку обрели дежурный характер, стали сугубо формальными. В истекшее время далеко не всегда и не во всем конструктивно-компетентную роль выполняли некоторые конкретные лица, ответственные за решение назревших вопросов в данной области, особенно из чиновничье-властных структур. Это касается, прежде всего, тех, кто реально не знает и не владеет бурятским языком. А значит, им вряд ли подвластно глубинное видение и понимание реальной ситуации в развитии бурятского языка.

Ухудшение этой ситуации в истекшее десятилетие признается и в Стратегии развития бурятского языка на период до 2030 г., утвержденной постановлением правительства РБ в 2019 г. В частности, в ней отмечается:

«Среди детей и молодежи продолжается процесс сокращения количества владеющих бурятским языком. В общеобразовательных школах продолжает сокращаться объем часов изучения бурятского языка как государственного и как родного. В обучении бурятскому языку как государственному остается нерешенной проблема недостаточного развития у детей навыков устной коммуникации» [Постановление 2019: 8].

Общая, обтекаемая и ни к чему не обязывающая формулировка второго положения, несомненно, нуждается в конкретной расшифровке. Так, ныне изучение бурятского языка как государственного в школах Бурятии в абсолютном большинстве случаев ограничивается только одним уроком. Но есть немало фактов, когда эти уроки ввиду отказа со стороны учащихся и нежелания (в основном русскоязычных и городских) родителей фиксируются как бы проведенные, в виде пресловутых галочек. И возникает вопрос: «Ну что может дать реально ученику один урок в неделю?» Ровным счетом ничего. Отсюда совершенно нелепой выглядит формулировка данного выше третьего положения, вызывающая вполне законный вопрос: «Как можно добиться у детей привития навыков устной коммуникации на одном, единственном в неделю, уроке бурятского языка как государственного?». Получается какой-то нонсенс.

Здесь для сравнительной характеристики невольно напрашивается пример иного рода. Он связан с изучением в студенческие годы (1–3 курсы) одним из авторов (В. И. Антонов) немецкого языка, являвшегося в то время профилирующим иностранным языком на философском факультете Московского государственного университета. Так вот в соответствии с учебной программой по немецкому языку в каждую неделю тогда отводилось три пары занятий, т. е. 6 часов. И то, по его свидетельству, навыки свободной устной коммуникации на этом языке у студентов стали вырабатываться лишь в начале 5-го семестра обучения. Занятия по немецкому языку все три года тогда вел известный ученый-германист, лингвист, талантливый педагог Н. Г. Комлев [Антонов 2008].

С другой стороны, возникают вопросы к федеральным органам образования. Почему обучение языку в школе дается в такой форме и номинации? Что же здесь на самом деле «государственного», в чем тут заложена «государственность» языка, если она и количественно, и качественно уступает даже изучению иностранного языка? Непонятно, кроме разве что элементов дискредитации не только самого языка, но и идеи «государственности».

Вызывает определенное недоумение ситуация, когда допускается достаточно свободная, если не сказать грубая, манипуляция цифрами в характеристике уровня владения бурятским языком, причем, к сожалению, даже в официальных документах республики. Так, в Стратегии развития бурятского языка, утвержденной правительством РБ в 2019 г. и опубликованной в газете «Бурятия» от 17 мая того же года, можно прочесть: «Данные мониторинга уровня владения бурятским языком (2016–2018 гг.) свидетельствуют о том, что 27 % из учащихся-бурят средних общеобразовательных школ и 48 % воспитанников дошкольных образовательных организаций не владеют родным языком» [Постановление 2019: 8]. Но в той же Стратегии развития бурятского языка, принятой полугодом ранее на Форуме бурятского языка и опубликованной в газете «Буряад Унэн» от 21 ноября 2018 г., обнаруживаем существенную разницу в цифровых данных: «Данные мониторинга уровня владения бурятским языком (2016–2017 гг.) свидетельствуют о том, что 62 % из учащихся-носителей бурятского языка средних общеобразовательных школ и 73 % воспитанников дошкольных образовательных организаций не владеют родным языком» [Стратегия 2018: 6]. Что же получается на поверку? За более чем четверть века ситуация с изучением бурятского языка в школах Бурятии никак существенно не улучшалась. Но вдруг за какой-то год произошел поразительный сдвиг: число не владеющих бурятским языком среди школьников-бурят упало в два с лишним раза — с 62 % до 27 %, а численность не владеющих бурятским языком воспитанников дошкольных образовательных учреждений резко снизилась — с 73 % до 48 %. Иными словами, за год число владеющих бурятским языком среди учащихся-бурят неожиданно

возросло во столько же раз, т. е. в два с лишним раза, в такой же обратной пропорции поднялась численность воспитанников-знакоков бурятского языка. Такого рода «улучшенные результаты» мониторинга (неважно, в чью и какую угоду) вряд ли способны вызвать какое-то доверие к ним.

Но, несмотря на все предпринятые и предпринимаемые в республике шаги по развитию бурятского языка, нужно отдавать ясный отчет в том, что функциональная ниша бурятского языка как второго государственного языка в РБ на фоне первого государственного языка, каковым закономерно является русский язык, носит достаточно ограниченный характер. Поэтому вопрос (довольно-таки острый, проблемный) здесь заключается в том, чтобы более или менее адекватно определиться с границами функциональных возможностей бурятского языка, т. е. обозначить, прежде всего, верхний предел в нише жизнедеятельности данного языка и выявить возможные пути его конструктивного расширения. Это особенно касается живого бурятского языка. С точки зрения объективной истины, фактическая сфера его функционирования, как средства живой коммуникации, по-прежнему продолжает оставаться в пределах весьма ограниченных локаций: общение в семейном кругу (там, где члены семьи владеют бурятским), коммуникация с естественными затруднениями во время изучения бурятского языка в школах, живые передачи на радио и телевидении, а также театральные спектакли на бурятском, общение в дацанах.

Такое обстоятельство иногда порождает почву для возникновения в бурятском обществе радикалистских настроений: живой бурятский язык по существу загнан в дискриминационные резервации. И все же приходится с сожалением констатировать, что до сих пор в республике не сформирована соответствующая реальная среда для полноценного функционирования живого бурятского языка. Между тем никому не надо доказывать, живое общение на бурятском (равно и как на любом) языке является одним из эффективных факторов его развития. Ценность такой формы коммуникации очевидна и в другом ракурсе: она, бесспорно, будет способствовать оживлению русско-бурятского двуязычия.

В этой связи приведем один уникальный эпизод, связанный с участием одного из авторов (В. И. Антонов) еще в декабре 1998 г. на интересном философском форуме в г. Хаген (ФРГ). Этот форум был примечателен докладом известного швейцарского ученого профессора Германа Люббе на тему «Модернизация и ее последствия: культурологические аспекты», вернее, его ответами на многочисленные вопросы после выступления. Профессор свободно, в зависимости от вопроса на конкретном языке, отвечал на трех из четырех официальных языков Швейцарии — немецком, французском, английском.

В числе задававших ему вопросы был и вышеназванный автор. Наряду с чисто профессиональным вопросом он обратился со следующим вопросом: «Господин профессор, какому из четырех официальных языков Швейцарии Вы отдаете предпочтение?». Ответ оказался однозначным: «У меня нет приоритетов, все они для меня одинаково приоритетны, ибо между ними существует функциональный изоморфизм». В знак подтверждения сказанного профессор Люббе в самом заключении своего слова, видимо, специально для слушающего его зала произнес несколько фраз на четвертом официальном языке Швейцарии — ретороманском, в качестве такового, кстати, утвержденного в этой стране еще в 1938 г.

Итак, что же такое функциональный изоморфизм, существующий между официальными (государственными) языками? Это значит, что между ними должно иметь место в функциональном плане взаимооднозначное соответствие. Другими словами, государственные языки (при наличии, разумеется, не менее двух) должны отличаться функциональной взаимозаменяемостью между собой. И это является главным атрибутом государственности языка. Проще говоря, принцип изоморфизма можно объяснить следующим образом. Например, парламентарии или ученые могут преспокойно провести свое заседание или симпозиум в один день (либо с утра), допустим, на английском языке, а в другой (либо после обеда) безболезненно, смотря по обстоятельствам, перейти на французский (или немецкий). И такой переход будет рассматриваться как естественное и нормальное явление.

Возможно ли применение такого принципа как основополагающего признака государственности языка в нынешних условиях в РБ? Ответ прозвучит, вне сомнения, отрицательный. Но надо ли стремиться к этому в перспективе? Однозначно считаем, что нужно обязательно стремиться. Однако первые шаги в этом направлении необходимо предпринимать уже с сегодняшнего дня. И тут нужно открыто назвать вещи своими именами.

Бурятский язык не сможет стать государственным на реальном (ни на формальном, ни на номинальном) уровне, пока верхний предел его функциональной ниши (именно как языка живой коммуникации) не будет расширяться дальше и вглубь тех границ, за которыми начинаются собственно государственная служба, интеллектуально-научная деятельность, бизнес. Бурятский де-факто останется негосударственным до тех пор, пока активно и последовательно не станет внедряться в сферу государственного управления, законодательной деятельности, в область науки и высшего образования, судопроизводства, деловых отношений в республике.

Однако такой (объективно обусловленный) разворот проблемы совсем не означает призыва к разного рода «принудилоккам», «обязаловкам» в отношении бурятского языка. Ведь любая форма нажима в столь непростом и где-то деликатном вопросе может вызвать «эффект отторжения», особенно это касается иноязычной среды.

Поэтому проблема внедрения бурятского языка в сферы, пока что закрытые для него, в своем разрешении требует особо вдумчивого и реалистического подхода. Взаимоуважительный (со стороны как бурят, так и русских, представителей других национальностей) характер в отношении бурятского языка в этих сферах, несмотря ни на что, должен иметь приоритетный характер.

Необходимо, прежде всего, официально признать правомочность употребления бурятского языка, в том числе выступлений, заявлений, предложений на этом языке, в таких важнейших государственных структурах РБ как правительственные учреждения, законодательные органы, а также на уровне столичной мэрии. В этих целях на совещаниях у Главы РБ, заседаниях правительства

РБ, на сессиях Народного Хурала, на совещаниях и заседаниях в мэрии г. Улан-Удэ, в городском совете целесообразным представляется установление аппаратов для синхронного перевода. Такая постановка вопроса и его последующее решение глубоко оправданы тем, что в результате этого сразу может быть снята ситуация психологического дискомфорта, связанная с непониманием либо с недопониманием выступающего на бурятском. Также считаем необходимыми установление и использование аппаратов для синхронного перевода в конференц-залах и залах ученых советов вузов и научных учреждений.

Поэтому авторы не без основания считают, что введение системы устного синхронного перевода в указанных структурах и учреждениях значительно оживит бурятский язык, заметно активизирует русско-бурятское двуязычие. С другой стороны, внедрение системы устного перевода открыло бы новый канал реального востребования бурятского языка, способствовало бы повышению потребности в кадрах-специалистах по указанному профилю.

При всем уважении к существующей системе письменного перевода правительственных и парламентских документов следует признать, что она в отличие от устного перевода, живой коммуникации не способна дать такого эффекта. Имеющийся здесь опыт скорее свидетельствует об обратном результате. Так, к примеру, начиная с середины 1990-х гг., в течение почти 15 лет, издано множество томов в твердой, прекрасно облицованной обложке протоколов сессий Народного Хурала на двух языках, на русском — с одной стороны, на бурятском — с другой, что стоило, конечно, немалых денег. Но реально мало кто ими интересовался. Что же касается бурятской части протоколов, то их, естественно, никто не читал. Эти многочисленные тома годами мертвым грузом залеживались в кабинетах Народного Хурала и правительства РБ. Впоследствии они, как правило, выбрасывались как ненужный хлам. Другой пример. В этот же период наряду с русскоязычной газетой «Бурятия» регулярно в целых номерах «Буриад Унэн» в переводе выходили официальные (правительственные и парламентские) материалы. На сей счет бывший главный редактор, известный бурят-

ский писатель А. Ангархаев, неоднократно и справедливо сетовал: «Такое дублирование абсолютно ни к чему. Ведь эти материалы на бурятском никто не читает. Это пустая трата огромных денег. Лучше дали бы нам возможность вместо них печатать интересные рассказы, стихи, отрывки из повестей и романов на бурятском. Это сразу заинтересовало бы читателей на бурятском языке».

Вполне понятно, что введение системы устного (бурятско-русского) синхронного перевода в официальных структурах республики требует серьезного финансирования. Но оно стоит того и станет важнейшим каналом для конструктивного расширения функциональных возможностей бурятского языка, который, несомненно, будет способствовать выходу его на реальный уровень государственного языка РБ.

Язык – великое и бесценное достояние народа. Эта общепризнанная дефиниция правомерна и для бурятского языка — древнего и в то же время современного языка одного из монгольских этносов. Тем не менее, его путь к полноценному возрождению и развитию продолжает оставаться весьма непростым и тернистым. И этот путь как императив не только настоящего, но и будущего времени является судьбоносным для бурят-монгольского народа.

### Литература

- Антонов 2008 — Антонов В. И. Слово о Комлеве // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2008. № 4. С. 106–120.
- Антонов 2001 — Антонов В. И. Язык и культура: особенности этносемантической интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 2. С. 57–58.
- Антонов, Очирова, Петрова 2017 — Антонов В. И., Очирова О. А., Петрова А. А. Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34 (2). С. 116–121.
- Постановление 2019 — Постановление правительства РБ. Стратегия развития бурятского языка на период до 2030 года // Бурятия. 2019. 17 мая. С. 8–9.
- Стратегия 2018 — Стратегия развития бурятского языка на период до 2030 года // Буряад Унэн. 21.11.2018. С. 6–7.